

“ДЕТОЧКИ, ВАС ФРОНТ ЖДЕТ...”

“Я работала в первом цехе...” Сегодня это утверждение означало бы — в ТПЦ-1. Но задолго до первого трубопрокатного был на нашем заводе другой первый цех, о котором, мало кто сегодня может рассказать. Нет о нем сведений и в заводском музее.

Помнят его, не могут забыть те, кто работал здесь в годы Великой Отечественной — подростки военных лет.

... Аня Полежаева прибегала в отдел кадров не раз. Пятнадцатилетней девочке необходимо было работать и зарабатывать. Сирота с малых лет, она смогла закончить только 4 класса школы. В няньках уже нажилась. Исполнилось 15 лет — совсем взрослая, скоро паспорт получась. Хотелось работать на заводе. В прокатку не взяли — уж слишком тяжело. Предложили в первый цех, как раз туда набирали ее ровесников.

— Наверное, человек 50 нас было или около того, — вспоминает Анна Александровна. — В основном местные ребята, но были и приезжие.

Эвакуированный из Днепропетровска цех выпускал корпуса для противотанковых гранат. Насколько помнит Анна Александровна, она правила, калибровала последнюю деталь, входившую в сборку, — деталь № 24. За смену, продолжавшуюся 14-16 часов, их нужно было проверить две тысячи.

Удивляясь такой большой цифре, еще раз переспрашиваю. Нет, все-таки две тысячи. Прикидываю: на калибровку одной детали около полминуты. По-видимому, возможно.

— Взрослых в первом цехе немного работало, — продолжает свой рассказ Анна Александровна, — начальник цеха Борис Константинович Петалов, военпред (фамилию его запаятовала), мастер по пресам Шахмин Николай Николаевич с Октябрьской улицы, и еще один молодой мастер Григорьев. Молодого мы Булкой прозвали — полный был, румяный. Он знал, но не обижался на нас.

Зимой и ночевали в цехе.

Этой фотографии 30 лет. Ровно столько, сколько исполнилось недавно первому внуку Анны Александровны Обвинцевой.

Ее внучок сегодня вдвое старше своей бабушки — той, которая на третий год Великой Отечественной войны встала к станку на Северском металлургическом заводе.

Длинная электрочепь, в которой сушили красные корпуса гранат, была присыпана сверху песком. На этом теплом песке и устраивались ребятки на ночлег. Начальник цеха будил их по-отцовски: “Деточки, вставайте, вас фронт ждет”.

Когда сына Бориса Константиновича провозжали на фронт, девочки из первого цеха прибежали к пруду, плакали. Зимой в Полеской, где находился сборный пункт, ходили напрямик — по льду.

...На мраморе северского мемориала у памятника Солдату в числе более чем трехсот погибших высечено и имя сына Бориса Константиновича Петалова.

Кормили в цехе по карточкам один раз в день — суп с хлебушком. Хлебный паек для военного времени был маленьким — по 700-800 граммов в сутки. Но все равно ребяткам не хватало. А потому они с нетерпением ждали среду и пятницу, ког-

да по карточке со словом “гарнир” можно получить еще хотя бы по ложке жареных грибов или еще что-то.

Тем, у кого дом был далеко и не было близко родных, конечно, приходилось голодать и холодать.

Одевались как придется. Бывало, что на одной ноге сапог, а на другой ботинок. Случалось, покупали на базаре обувку, сделанную военнопленными — верх тряпичный, подошва деревянная.

Жаляли взрослые ребятки, или так было положено по инструкции, только грузили в вагоны ящики с гранатами начальнику цеха, военпреду и мастера.

Отеческая забота Бориса Константиновича особенно дорога была Анушке, как, наверное, и другим сиротам. И когда после освобождения Днепропетровска от фашистов

оборудование цеха стали готовить к возвращению, загрустили уже привыкшие работать вместе подростки.

Однажды возвращалась Аня из Полеской на лодке — паспорт ездила получать — и на берегу встретила Бориса Константиновича. Поздоровались, он спросил о ее планах на будущее, о ребятах. Сказала, что направляют кого в огнеупорный цех, а кого в транспортный. “Вот приеду в Днепропетровск, всем вам вызов вышло, вместе будем работать, если не возражаете”.

Обрадовалась Анушка и долго потом бегала в отдел кадров, узнавала не пришел ли вызов. А его все не было. И тогда она сама отправилась в Днепропетровск.

Доехать удалось только до Сталинграда, дальше не пропустили — время военное, Сталинград в руинах. С большим трудом, с помощью милиции устроилась на одной из железнодорожных станций стрелочницей. С сорок четвертого по сорок восьмой год здесь и работала, за что имеет знак “Отличный паровозник”.

Может быть, и осталась бы Анушка, и жизнь свою устроила в том краю, но заболела. Врачи сказали, что нужно сменить климат. Вернулась домой. Много событий вместили прошедшие 50 лет. Работала мотористом в паркозе, стрелочницей в железнодорожном цехе. Вышла замуж, выросли с супругом четвертые детей. Теперь уже есть семеро внуков и два правнука.

И чем старше становится Анна Александровна, тем чаще ей вспоминается юность. И короткий, но такой важный в ее жизни период работы в первом цехе.

— Редко теперь встретишь северского человека, коренных-то жителей мало осталось, — горюет Анна Александровна.

Да и нечисто выходит она из дому — здоровье не позволяет. А так хочется повидать кого-нибудь из прежних товарищей по работе.

М.ГУНДИНА.